

Лилу Деймон

Листьма Ктулху

обрывки сказки
зарисовки

Лилу Деймон

**Письма Ктулху. Обрывки,
сказки, зарисовки**

«Издательские решения»

Деймон Л.

Письма Ктулху. Обрывки, сказки, зарисовки / Л. Деймон —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-965818-0

Осколки разбитых миров, обрывки старых страниц, потерянные кусочки
несложившихся пазлов. Книга как лоскутное одеяло. Написана и нарисована
просто так. Без особых смыслов. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-965818-0

© Деймон Л.
© Издательские решения

Содержание

Письмо Ктулху. пролог	6
Книга о суетах, сующих и сущностях. Страничные обрывки, дошедшие до и после	7
Обрывок первый	8
Обрывок второй	9
обрывок третий	10
обрывок четвертый	11
Обрывок пятый	12
Обрывок шестой	13
Обрывок седьмой	15
Обрывок восьмой	17
Обрывок девятый	18
Обрывок десятый	20
Обрывок одиннадцатый	23
Обрывок двенадцатый	24
Обрывок тринадцатый	27
Сказочки и зарисовочки	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Письма Ктулху Обрывки, сказки, зарисовки

Лилу Деймон

Посвящается Ктулху.

Иллюстратор Татьяна Землякова

© Лилу Деймон, 2019

© Татьяна Землякова, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4496-5818-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Письмо Ктулху. пролог

Слушай, как же трудно быть богом.
Вроде создал их, даже подправил немного,
Одним по способности, другим по потребности,
Ясности дал, благ, чуть неизвестности.
Они смотрят хмуро, толпятся, гудят ульем,
Иногда вскрикивают, думаю, от недоумия,
Что не хватает им, Расскажи мне, быть может,
Ты и я не такие уж и «О, боже»
Они обращаются к нам так, представляешь?
Желают знать, куда ты вставляешь
Свой чертов палец, есть такой камень,
Его находят на морских берегах,
Когда идут на закланье,
Или просто поплавать в волнах
Он продолговатый, черный,
Вгоняет в страх,
А иногда просто нагоняет,
И вставляет, вставляет, вставляет...
Спасибо, что выслушал,
Тебе полегчало?
Мне тоже.
Давай начинать сначала?

**Книга о суетах, сующих и сущностях.
Страничные обрывки, дошедшие до и после**

Обрывок первый

....ть. Что он и сделал. Отбросив бесполезную оболочку, устремился. Разнообразие открывшихся послежизней побудило остановиться. Он с любопытством озирался. В мире, что он еще недавно с сожалением и болью покинул, существовал обычай приезжать тарашиться на места обитания знаменитостей. Если повезет, то и подглядеть, как они делают обычные вещи. Вроде тех, что глазеющим не чужды, повседневны и естественны. Это роднит и, самое главное, дает ощущение превосходства. С одной лишь разницей. Они не желали видеть посторонних на своей территории. Здесь же перед ним открывались все ворота, соблазняя и обещая.

– Сперва придется, конечно, подождать, помаяться в предвариловке, – из задумчивого созерцания его вытащил вкрадчивый голос, – но затем ты в полной мере обретишь причитающееся. Взвешат, оценят, приговорят.

– Кто?

– Любой из нас, – ответил голос. – Смотря, ради какой послежизни ты существовал.

– Напоминает кружки по интересам, – улыбнулся он. – Никогда мне не нравились.

– Жил одним моментом? – голос сделался кислым. – Ну так проходи, не задерживайся, чай не музей.

– Не обижайтесь, – попросил он.

– Много чести, – фыркнул голос. – Извиняться будешь перед тем, в кого веришь. За монотонное его и вечное существование.

– Да я в общем-то...

– Карать и награждать! – распалялся голос. – Очень весело! Одно и то же! Конца-края не видать! Называют высшим существом! Поклоны бьют, лбы расшибают! Любимый вопрос знаешь какой? Что ты от меня хочешь? И тут же отвечают сами себе. Чтобы ты, мудило, наворотил дел, помер и предстал. Думают, будто на свете нет ничего интересней их жизни. А я типа должен каждую, как киношку смотреть!

– Грустно, – посочувствовал он. – А вы не пробовали уйти?

– Как уйти? Куда уйти? – всполошился голос. – А они? Те, что в меня верят?

– Придумают другого.

– Но кем тогда стану я? И буду ли Я?

Он мог бы сказать, что....., однако вместо этого....., и.....ы.

– Виновные в одну сторону, невиновные в другую!

– Но...

– Возьмите уже на себя ответственность!

– Ты велик. Вездесущ. Всевидящ. Справедлив. Ты всё. И нет кроме тебя ничего. И нигде.

– Ладно, ладно, уговорили.

И насту....., одна-ко.....никто

.....зачем.....да

и поху.....веч-

н.....

Обрывок второй

.....изморозь.

– Заходи, заходи, – пригласил Эб.

Луно мялся на пороге, не решаясь переступить. От него пахло мокрой собакой, и еще всем тем, что копится в пещерах долгими сумеречными жизнями.

– Сегодня счастливый день, Луно, – глаза Эба возбужденно блестели. – Я наконец двигаюсь дальше.

– Ыыыы, – прорычал Луно.

Опять этот придурок считает себя лучше.

– Знаю, вы не доверяли мне, ненавидели, боялись, – Хрупкая рука Эба коснулась заско-
рузлой лапицы Луно. – Думали, хочу покорить, растоптать, уничтожить, навязать.

– Ууумс, – кивнул Луно.

Эб слишком много себе позволяет. Всегда позволял.

– Ах, Луно, Луно! Во вселенной столько миров, а я не видел и крошечной части! – вос-
торженно восклицал Эб.

– Хргх, – заворчал Луно.

Глупый Эб! Мир только один. И это мир Луно.

– Ваше общество пока примитивно, но со временем вы поймете, – Эб проникновенно
заглянул в хищные глаза Луно. – завоевывать неинтересно. Интересно созерцать.

– Сссссшшшшш, – выдохнул, оскалившись, Луно.

Эб оскорбил весь его народ. Слишком примитивные, чтобы их покорять? Неинтересные?
Один взмах дубинкой. Зря что ли он все утро покрывал ее ритуальными символами?

.....жгло,

.....Луно.....горькая обида. Мир
снова стал одним. Это был мир Луно.

обрывок третий

– Следующий!

Он вздрогнул, вскочил, суетливо озираясь, словно ища подтверждения, что именно он и есть тот самый вызываемый «следующий». Равнодушие очереди остудило и устыдило. Он стукнул дубовую дверь костяшками пальцев, прежде чем войти. В небрежном жесте скрывая трепет, чтобы, зажмурившись, переступить порог.

– Не открывай глаза, – услышал он. – Иначе утратишь ясность бытия и восприятия.

– Это станет достойным завершением пути, – не послушался он.

Творец предстал бесконечным, сотканным из света и тьмы, беспорядочными пятнами усеян весь. С тонким всхлипом выдирает он их из себя, бросает друг в друга, месит, творит миры и отпускает в окно скучного офиса со столами по прямым линиям. Он упал на колени, не в силах вынести.

– Ну вооот, – разочарованно протянул творец. – Сейчас начнется. Я искал...

– ...искал тебя всю жизнь! – подхватил он, – И нашел, уповаю, взываю!

– Дай, угадаю, – любезно предложил творец, – мир несправедлив?

– Откуда... – начал он, но спохватился, – ну, да, ты же всевидящий...

– Нет, – голос творца сделался брюзглив, – это вы все одинаковые. Подумать только! Посвятить жизнь поиску меня лишь затем, чтобы предъявить несправедливость мира! Никого не смущают кипящие реки, небо цвета говна или поющие фаллические горы.

– У нас в этом смысле все в порядке. Нормальное все. И горы и реки и небо.

– Вот именно! – воскликнул творец. – Знаешь, почему? Потому что у меня тонкое чувство прекрасного. И я гений.

Обида, разочарование и всевозможные их порождения окружили его, захлестнули, затрудняя дыхание.

– Не расстраивайся, – утешил творец. – Может, я не всевидящий и не всемогущий, но кое-что умею. Вы это чудесами называете. А я правом творца.

Он встрепенулся, с надеждой внимая.

– Вот и отлично, – хохотнул творец. – Проваливай!

В глазах все вдруг закружилось, а когда получилось сфокусироваться, он увидел прямо перед собой реку. Она кипела, выбрасывая на берег рыбу. Степень прожарки не обсуждалась, воспринималась должным. Неподалеку возвышалась фаллической формы гора. От ее пения подрагивало жидкое коричневое небо, лениво роняя увесистые камни. Умирая, они погребали под собой разбегающееся живое.

– Право творца, – скандировали остающиеся формы жизни.

– За что? – вопрошал он.

– Следующий! – звал творец.

И бросал, месил, творил миры. Отпускал в окно скучного офиса со столами по прямым линиям. Потому что гений. А еще тонкое чувство прекрасного.

обрывок четвертый

– Это какой-то другой, незнакомый мир, – жаловался он в Пустоту.
– Разумеется, – отвечала Пустота. – Он менялся. Совсем как ты.
– Но я создавал его, чтобы возвращаться, когда устану! – в голосе его сквозила обида. – Он был такой чистый, невинный...
– Скажите пожалуйста! – издевалась Пустота. – Пока мальчик шлялся по вселенной в свое удовольствие, в его уютненьком диванчике завелись формы жизни, и он уже не тот. Сжечь!
– И что тут такого, – насупился он.
– То, что ты – творец, а мир – не диван с клопами.
– Он мне больше не принадлежит, – не унимался он.
– Никогда не принадлежал, – терпеливо втолковывала Пустота, – но был твоим, а ты – его. Просто вам нужно вспомнить, ощутить.
– Как?
– Извините, – голос Пустоты изменился на официально участливый, будто автоответчик, – связь прервалась.
Раздались короткие гудки.
– Ясно, – он подавил недовольный вздох, – все как обычно. Жертвы, подвиги, мученическая смерть.
– Не обязательно, – как ни в чем не бывало откликнулась Пустота, – можно просто любовь.
– Без жертв? – он в сомнении покачал головой, – Слишком тихо.
– Клопам непременно надо показать, кто хозяин дивана, понимаю... – ехидно протянула Пустота.
– Увидимся, – сухо кивнул он, прощаясь.
Не успела Пустота пожелать ему счастливого воссоединения с блудным забывчивым миром, как он появился снова.
– До чего мучительно, долго, кроваво и громко! Удивительно, но я отдохнул. Правда, немного не так, как хотел.
Вид у него был довольный, невзирая на собственную отрубленную голову, которую он небрежно перебрасывал из руки в руку, словно мяч.
– Почему ты никогда не пробуешь любовь? Без вот этого вот всего? – поинтересовалась Пустота. – Переделывать, возвращать невинность, первозданность... зачем? Пройденные ведь этапы. Неудивительно, что каждый твой созданный для отдыха мир превращается в экстремальный аттракцион с усекновением разных частей. Кстати, верни голову уже на место.
– Позже, – сказал он. – Сейчас я хочу новый мир. Это к вопросу о любви, если что.
Пустота еле слышно выдохнула что-то скабрезное.
Он смотрел в нее, смотрел, не отрываясь, и ждал. Может, пройдет целая вечность или всего лишь миг, прежде чем она взглянет в него, и между ними проскочит искра, начиная новый мир. Он никогда не знал точно. Он просто ждал. И верил. Как верили обитатели бесчисленных миров, в то, что он создал эти миры для них.

Обрывок пятый

– Давай! – иступленно кричу я. – Забери же меня! Ну! Вот он я!

Гроза хлещет дождем, жестко, бьет молниями, оставляя кровавые отметины. Воняет горелым мясом и паленой шерстью. Но я не замечаю. Мне нужно почувствовать. И вот, когда налетевшая шквалистая тьма сгущается до помрачения, я ощущаю, что хочу. Самое страшное и ужасное в этой тьме – я. Как, впрочем, и всегда.

– Спасибо, – выдыхаю я, обессиленно падая в траву. – Спасибо.

– Это самое малое, что я могу. Прости меня, малыш. За все прости.

– Да забей, – шепчу я, проваливаясь в сон.

Мимикрировать здесь не составляет труда. Просто надо быть и все. Обязательно найдется кто-то, поймет, возьмет за руку и расскажет историю, которая окажется отвратительней, чем твоя. Отвратительней, чем Всадники Бури. Я раньше думал, хуже, чем Буря поступила со мной, невозможно. Но ошибся. Люди делают вещи гораздо гаже. Они не бросают своих детей. Они производят их, чтобы изощренно издеваться во благо. А я всего-навсего соскочил нечаянно. Буря не виновата.

Вы знаете, что отражений не существует? То, что видно в любой поверхности, будь то капля воды, лужа, стекло, фотокамера, глаза или зеркало, на самом деле не вы, а мы. Всадники Бури. *Riders on the Storm*. Хорошая песня. Она спасает меня в засуху всегда. Я ведь хотел соскочить. Зачем? Из любопытства. Она должна была меня удержать. Я бы хотел, чтобы удержала, а я бы все равно соскочил. Вопреки. Прямо как здесь, где я преуспел мимикрировать. Здесь все вопреки. Буря обещает, что заберет. Всегда обещает. Но есть условие. Всегда есть условие. Я должен полюбить этот мир. Почувствовать его в себе. Я стараюсь, честно. Стараюсь до скрежета в сердце и боли во всем теле. Но не то. Всегда не то...

Поэтому пока...

Давай! – иступленно кричу я. – Забери же меня! Ну! Вот он я!

Гроза хлещет дождем, жестко, бьет молниями, оставляя кровавые отметины. Воняет горелым мясом и паленой шерстью. Но я не замечаю. Мне нужно почувствовать. И вот, когда налетевшая шквалистая тьма сгущается до помрачения, я ощущаю, что хочу. Самое страшное и ужасное в этой тьме – я. Как, впрочем, и всегда.

– Спасибо, – выдыхаю я, обессиленно падая в траву. – Спасибо.

– Это самое малое, что я могу. Прости меня, малыш. За все прости.

– Да забей, – шепчу я, проваливаясь в сон.

Обрывок шестой

У бабушки Ивь вместо жизни были Истории. Никто на самом деле не знал, какая из них правдивая, и что на самом представляла собой жизнь бабушки. Взрослые посмеивались над ней, некоторые ворчали, мол, лучше бы пирожки пекла внучатам, как положено всем порядочным бабушкам, или рассказывала бы сказки. Нормальные сказки, а не про то, как штурмовать замок, выбраться из гарема султана, по пути соблазнив на подвиг парочку евнухов, и улететь на луну проводить друга, которому скучно, а еще он варит вино из света звезд, такое, что пригубив, чувствуешь себя достойным говорить со Вселенной. Странная женщина была бабушка Ивь.

Однажды я пришел домой с синяком под глазом, обидой на весь мир и соседского мальчика по кличке Гоблин. Он был здоровый, грубый и отбирал у меня леденцы, которые мама привозила по выходным из города. Обычно я безропотно выворачивал карманы, и, глотая слюну, смотрел, как Гоблин сует пригоршню леденцов в жадный рот и демонстративно, с чувством полного надо мной превосходства, разгрызает их крупными хищными зубами. А в этот раз, может под влиянием одной из историй бабушки, я бросился на него. Шансов не было. Гоблин сперва крепко врезал мне кулаком в глаз, а потом небрежным пинком отправил в придорожную лужу. Обшарил мои карманы, посетовал, что леденцы грязные и велел лежать так до заката. Я лежал, смотрел в небо и беззвучно звал лунного человека. Если бы он угостил меня вином из света звезд, то тогда я победил бы Гоблина одной левой. Но никто не пришел. Наступил закат, я вылез из лужи и пошел домой. Мокрый, замерзший и разочарованный. В тот день я повзрослел и перестал верить историям бабушки Ивь. По крайней мере, мне так казалось. Несколькими днями позже, я обнаружил Гоблина, прячущегося в сарае. Его трясло, штаны он обмочил, выглядел маленьким и жалким. Я спросил, чего ему здесь надо, а он замахнулся на меня и вдруг заплакал. Тоненько и жалобно, как побитый щенок. Я побежал за бабушкой Ивь. Она велела принести горячей воды, полотенце и мешочек с травами из ее комнаты. Закрyla дверь в сарай и просидела там с Гоблином всю ночь. Он участвовал в битве, сказала потом бабушка, и проиграл. В битвах нет победителей. Но проиграл он достойно. Я фыркнул. Гоблин и достоинство? Ранним утром к соседскому дому подъехала полицейская машина, оказалось, отчим Гоблина чуть не убил по пьяному делу его мать. Гоблин бросился на него, укусил, тот не устоял на хмельных ногах, ударился об острый угол и умер. Больше Гоблин леденцы у меня не отбирал. Он сделался тихим, каким-то блаженным, сидел у дороги и смотрел в небо. Может, ждал лунного человека с вином из света звезд. Не знаю. Меня тогда забрали от бабушки Ивь. В целях безопасности, сказала мама, да и вообще, хватит дурить, скоро в школу, пора становиться серьезным человеком и добиться в жизни чего-нибудь стоящего.

Я добился. По крайней мере, мне так казалось.

Недавно в мою дверь позвонили. На пороге стоял Гоблин. Длинная седая борода и лысина цвета полной луны. Вручил мне коробку, тихо улыбнулся, ощерив хищные зубы, и пропал.

Я долго сидел на кухне, курил и боялся ее открывать. Я не хотел знать правду о жизни бабушки Ивь. Мне казалось, в коробке будут скучные документы. Вроде свидетельства о рождении. Старые черно-белые выцветшие фотографии и еще разная сентиментальная чушь. Что обычно остается от мертвых людей? Наконец, под утро я решился. В коробке лежал сложенный вчетверо тетрадный лист и бутылка из-под лимонада «Буратино» времен моего детства, запечатанная так, будто бы в ней, по меньшей мере, томился джинн.

Здравствуй, милый, писала бабушка Ивь, если ты это читаешь, значит, меня здесь уже нет. Я там, где штурмуют замки, сбегают из плена, прихватив парочку евнухов на подвиг, и тво-

рят миры. Знаю, ты всегда хотел попробовать вино из света звезд. У меня как раз осталась одна бутылка. Теперь она твоя. Ты достоин говорить со Вселенной.

И тут я заплакал. Впервые за много лет. Тоненько и жалобно, как побитый щенок. Странная женщина была бабушка Ивъ. Вместо жизни у нее были Истории...

Обрывок седьмой

Я иду по Городу. Он небольшой, хватает дня, чтобы обойти и вернуться. Это если быстрым шагом, ни на что не отвлекаясь. Но я так не делаю. Неинтересно. Типа спортивного состязания, где ты пытаешься его обогнать, но тщетно. Он с тобой не соревнуется. Откуда я знаю? Один раз я его обошел, другой обежал, а ему хоть бы что, даже не заметил. В награду мне досталось бесполезное знание про то, что Город у нас небольшой. Хотя мой приятель Куча говорит, всякое знание полезно. Куча живет на улице и очень много знает всякого. Знания эти он хранит в старой обувной коробке, и если его попросить, покажет. Но никто почему-то не просит. Кроме дворника Фаруха. Когда в Городе наступает сезон листопада, он приходит к Куче, садится рядом, ставит метлу на землю древком вниз, и они вместе молча смотрят в коробку. Метла над их головами расправляет прутья и кажется, будто Куча с Фарухом сидят под лысой пальмой.

Однажды я поинтересовался у Фаруха, почему он не гоняет Кучу со своей территории. Это же вроде как непорядок, если бомж на участке.

– А ты бы гонял? – спросил Фарух.

– Нет, – ответил я. – Но...

– Вот и мне незачем.

Ну и ладно.

В Городе помимо Фаруха, Кучи и меня много кто живет. Мы делаем вид, что незнакомы, хотя в небольшом Городе все друг друга знают. Просто интересно каждый раз встретившись, к примеру, на вечеринке, которые Город устраивает регулярно и с размахом, узнавать всех заново. Они интересные, у каждого есть талант, дар или способность. Не такие, как в фантастических кинофильмах, конечно, ничего волшебного. Они сочиняют, творят, ваяют, создают, лечат, преподают, достигают, постигают, преодолевают, созерцают, воплощают. И делают это блестяще.

У меня тоже есть дар. Моя подруга Ариена говорит, будь я чуть поамбициозней, она с удовольствием вышла бы за меня замуж. Но я ведь целыми днями шляюсь по Городу, бесцельно шляюсь, просто так. «Бесцельно» Ариена произносит с нажимом, отчего сразу ясно, каков он, мой дар. Я пожимаю плечами. Жениться на Ариене я бы не возражал, она смешливая, правда, очень занятая. Ее талант – продавать. И амбиций на десятерых хватит. Вряд ли после свадьбы что-нибудь бы поменялось. Она в делах, я шляюсь. Ах, да, бесцельно шляюсь. В этом все дело.

– Не расстраивайся, – советует Фарух. Его талант – неумное любопытство, он нас с Ариеной подслушивает. – Всё херня. Я открою тебе секрет. На самом деле наш Город не простой. Он город мертвых. Мы все давно умерли, просто не знаем об этом.

– А ты тогда откуда знаешь? – спрашивает Куча.

– Ну я же любопытный, – обижается Фарух.

Куча смеется. Смех у него странный. В смысле для бомжа. Детский такой. Звонкий.

Отсмеявшись, Куча говорит:

– Этот Город и правда непростой. Он есть все Города. А мы, те кто в нем живет, суть всех и каждого.

– И где эти все? – недоверчиво склоняет голову Фарух.

– Где-то, – отвечает Куча. – Хочешь посмотреть?

Это он мне. И кивает на обувную коробку.

– Может, в другой раз, – отвечаю.

Куча смеется.

Я иду по Городу. Он небольшой, хватает дня, чтобы обойти и вернуться.

Обрывок восьмой

В кафе «Снежная Королева» он приходит каждый день. Садится за столик в углу и заказывает мороженое со вкусом розы. Он ест его медленно, вдумчиво, наслаждаясь каждой ложкой и украдкой поглядывает на женщину за стойкой. Он ненавидит мороженое, со вкусом роз особенно, когда-то они значили для него слишком много, но всегда берет именно его. Это совсем не кажется ему странным. Ведь если она это Она, та о которой он думал последние тысячи лет, все правильно. Мороженое со вкусом розы самое то. Только как узнать? Спросить он не решается. Как и взглянуть в глаза цвета талого льда. Ее красота невозмутима, безупречна и холодна. Остается мороженое со вкусом розы. Он просит его таять как можно медленнее. Но его дыхание слишком горячо, и скоро мороженое превращается в розовую жижу. Его передегивает от отвращения, но он все равно ест.

Однажды оно расплылось прежде чем попало на стол, и он решился. Подошел к стойке и спросил, указывая на вывеску «Снежная Королева» :

– Вы – Она?

Ответом был царственный кивок.

– Я слышал вашу историю, – продолжал он, – она так печальна.

– И не совсем правдива, – усмехнулась она, – дело вовсе не в осколках, сердцах и глазах, а чтобы сложить из букв Ж О П А слово ВЕЧНОСТЬ. Он был единственный, кто сумел. Мы могли быть счастливы целую вечность.

– Увы... – прошептал он.

– Потом пришла та девчонка и сказала, что вечность со мной – это скучно, а жопа... Что ж... У нее она моложе и горячее. Он согласился. Обнял ее за жопу, и они ушли. Сказке конец.

– А вы?

– Что я? Держу кафе.

– Сказке не конец, – он умоляюще взглянул в глаза цвета талого льда. – Со временем он понял, осознал... жопа – это совсем не важно.

– Да? – прищурилась она, – Что же тогда важно?

– Не знаю... – беспомощно развел руками он.

– Вот именно, – голос ее звучал песней айсбергов. – Вам как обычно? Со вкусом розы?

– Пожалуй, – вздохнул он, направляясь к своему столику.

Завтра он снова придет. Будет сидеть за столиком в углу, медленно есть жижу со вкусом розы, украдкой поглядывая на женщину за стойкой. Но теперь в ушах его звучат айсберги. Они поют о том, что на самом деле важно, просто он пока не умеет разбирать слова. Но у него есть вечность. Это обнадеживает.

Обрывок девятый

Иван Петрович стоял напротив зеркала и изо всех сил старался разглядеть в нем собственную похмельную физиономию. Тщетно. В потемневших от времени серебряных глубинах отражалось просторное помещение с внушительными колоннами. Иван Петрович постучал по зеркальной поверхности заскорузлым пальцем, отчего пол помещения, хаотично усыпанный коленопреклоненными людьми, вздрогнул. Застонали колонны, завибрировал воздух, люди принялись стенать, да так громко и жалобно, что на шум, по-кошачьи потягиваясь, вышел заспанный круглолицый бородач в засаленном полосатом халате.

– Что происходит? – спросил он у стенающих на неизвестном, но почему-то понятном Ивану Петровичу языке.

– Ыыыы, – ответили ему люди, указуя перстами в сторону похмельной личности Ивана Петровича.

– Адаптация, – покачал головой круглолицый. – Систему глючит. Отладить надо, а вы пока подите вон.

Стенающие, радостно кивая, поползли к выходу и вскоре скрылись с глаз Ивана Петровича.

– Рад видеть, внучек, – обратился круглолицый к Ивану Петровичу. – Хотя, ты, конечно, не вовремя.

Иван Петрович потрясенно молчал. Круглолицый мужик удивительным образом был похож на покойного деда. Но не на того, старого, высохшего и немощного, которого, он, Иван Петрович похоронил несколько лет назад, а на кладбищенского. Точнее, на его памятник. Отлитый в граните бородастый пухляк с довольной улыбкой на круглом лице обнимает пониже спины ускользящий женский силуэт. И надпись, банальная до неприличия. Типа, все там будем или вроде того.

– Слушай, ты не мог бы попозже заглянуть? – продолжал круглолицый. – А то не формат. Эти граждане желают поклоняться... впрочем, сам увидишь. Урсула, детка, выползай, не бойся!

Иван Петрович ошалело глядел, как из-за плеча покойного деда, или непонятно кого, на него похожего, показалось миловидное женское личико с привязанным ко лбу бутафорским хуем. Он заламывался на затылок и выглядел лихо.

– Здравствуйте, – выдавил Иван Петрович, избегая встречаться с хуем взглядом.

– Ты прям как маленький, – упрекнул дед. Или памятник. – Бабу никогда не видал?

– У меня ведь белая горячка? – в голосе Ивана Петровича слышались вера и надежда.

– Лучше. Окно в мой загробный мир.

– Зачем?

– Чтобы безутешные родственники могли навестить горячо любимого дедушку, – ехидно сообщил дед. – Да шучу, я. Это мое наследство вам. Можно сказать, последний наказ.

– Теперь ясно, отчего отцу поставили диагноз, – уныло протянул Иван Петрович. – В дурдме он по твоей милости.

– Никогда не был головой крепок, – пожал плечами дед. – Тешить собственное самолюбие за счет чужого загробного мира, занятие не самое достойное. За что и поплатился.

– Богом себя возомнил, – продолжал жаловаться Иван Петрович, – вернее, богами. Тоже херню всякую на лоб вешал, как вот она. Его санитары в таком виде через весь город вели. Стыдобаааа...

Он зажмурился и потряс головой, отгоняя воспоминания.

– Я его предупреждал, – наставительно поднял пухлый палец дед. – Это наказ, а не абы что. В нашем с Урсулой тандеме, богов изображает она. А трио – это уже проблемы. Третий лишний. Одному придется уйти. Так и случилось.

– Не понимаю, – страдальчески скривился Иван Петрович.

– Помимо того, что мы с Урсулой предаемся удовольствиям, мы еще создаем богов, – объяснил дед, – Все очень просто. Приходим в населенный пункт, проводим опрос, воздвигаем подходящую площадку и рождается оно. По возможности учитываются все пожелания внешнего вида и характера. В данном случае – вот.

Он кивнул на Урсулу, она приветливо помахала хуем.

– С помощью хитроумной системы, – продолжал дед, – я проецирую ее образ в зеркало, такое же как у тебя, и народ может радостно поклоняться кто во что горазд. Иногда я трактую особо непонятливым ее волю. Через какое-то время то, во что они верят, возникает, вскармленное их эмоциями, а мы уходим.

– Куда? – тупо спросил Иван Петрович.

– Дальше.

– Так в чем наказ? – недоумевал Иван Петрович.

Ему хотелось нормальной жизни и пива.

– Верь! – торжественно изрек дед. – В то, что можешь любую самую невероятную херню. И тогда ты сможешь. Не в этой жизни, так в загробной. Проверено.

– Ладно, – согласился Иван Петрович. – А ты случайно наследство не оставил? Ну типа клада, монеты старинные в огороде закопанные. Или счета в банке? А то мне опохмелиться не на что.

– Мой наказ бесценен, – сказал дед.

Он выудил из воздуха бутылку с янтарной жидкостью и с удовольствием отхлебнул.

– Хорошая штука. Забористая! – похвалил дед.

– Сволочь ты.

Иван Петрович сглотнул похмельную слюну, снял зеркало со стены и отнес в антикварную лавку. Вырученных денег хватило на неделю безудержных возлияний.

Затем он тихо скончался, а что с ним случилось дальше, неизвестно.

Обрывок десятый

Супруга Поликарпа Фадеевича нервно ходила из угла в угол, сцепив пальцы бледных, почти эфемерных рук, и повторяла, будто заведенная :

– А вдруг освищут, Карпуша? Вдруг освищут? Или несвежими продуктами закидают? Я ж не переживу!

– Не посмеют, – отвечал Поликарп Фадеевич. – Ты гениальна, Бусенька. Это я тебе как специалист говорю.

– Но они-то, не специалисты! – не унималась супруга. – Эксперты! Вдруг не проникнутся? Я ж тогда... тогда...

Она рухнула на колени и разразилась слезами.

– Проникнутся, не бойся, – Поликарп Фадеевич успокаивающе потрепал ее по плечу. – Гарантирую.

Супруга с тяжелым стоном поднялась с колен и, со словами: « Я репетировать!», бросилась прочь.

Поликарп Фадеевич выждал некоторое время, потом полез под кровать, откуда, кряхтя, выкатил дубовую, внушительных размеров бочку. Протиснув ее в окно, он выбрался сам и, удостоверившись, что за ним не следят, растворился в летнем полуденном воздухе вместе с бочкой.

Хрон, Шуба и Борзый, терзаемые похмельем, трясущимися руками подсчитывали найденные в закромах активы.

– Грустно, – резюмировал Хрон, глядя на тщедушную кучку тусклых монет низкого достоинства.

– Может, на паперть встать? – предложил Шуба.

– Да хоть лечь, один хер, – возразил Борзый. – Ты им, подайте, граждане, копеечку на поправленье здоровья. А они тебе – иди работай, сука!

– Черствые люди, – согласился Хрон. – Чего делать-то будем? Трубы горят, сил нет.

– Верить и ждать чуда, – насколько мог твердо, сказал Шуба. – Оно непременно произойдет.

Он верил в чудеса с тех пор, как выудил из помойки пожилую лысеющую шубу и, пропив ее за день целых три раза, получил свою кличку.

Хрон с Борзым согласились. Ничего другого, впрочем, им не оставалось. Они смежили похмельные, в красноватых прожилках веки и принялись ждать изо всех сил.

И чудо случилось. Из воздуха соткался Поликарп Фадеевич, восседающий верхом на бочке.

– Здорово, мужики, – услышали страдалцы. – Бухнуть не желаете?

– Еще как! – оживились друзья.

В руках их, словно по волшебству, появились складные стаканчики. Благодарно трепеща они тянулись к бочке. Та, солидно взбулькнув, расщедрилась до самых их зазубренных краев.

– Как я понимаю, это не бесплатно, – утолив жажду, проявил осторожную бдительность Хрон.

– На криминал не подпишемся, – предупредил Борзый.

– Чего вы сразу про криминал, – заступился Шуба, – может, он просто добрый бескорыстный человек?

– Начнем с того, что не совсем человек, – сказал Поликарп Фадеевич. – Я – Муза. И, да, мне от вас кое-что нужно. Не криминал. Хотя, если смотреть со стороны Трех Граций, тяжкое преступление. Но другого выхода не вижу. Я ее люблю.

- Не слишком ли много информации для одного стакана? – прощупал почву Хрон.
- Она бездонная, не стесняйтесь, – указал на бочку Поликарп Фадеевич.

И, криво усмехнувшись, добавил с горечью:

- Хотя на что-то я гожусь как мифическое существо.

Хрон с Шубой принялись наперебой убеждать Поликарпа Фадеевича, что он не просто «на что-то годится», а настоящий герой, принесший им избавление от страданий.

Поликарп Фадеевич впал в очаровательное смущение, откуда его выдернул чуждый эмпатии Борзый:

- Слышь, существо, ты давай излагай по порядку, а то ни хера не понятно.
- Конечно, – спохватился Поликарп Фадеевич, и принялся излагать.

Принято считать, что Муза – создание редкое, необыкновенное, тонко организованное в легкокрылую полупрозрачную деву, нежную и трепетную. Все верно, но иногда бывают исключения. Например, Поликарп Фадеевич. Образовавшись в чертоге Трех Граций вместе с остальными музами, он для начала наотрез отказался организовываться в легкокрылую деву, а затем и вовсе отчебучил непотребное. Влюбился, материализовался и женился. Все бы хорошо, но жена его вскоре после свадьбы принялась писать стихи под псевдонимом Буся Козырькова, чего за ней прежде не водилось.

- А мы тут причем? – недоуменно переглянулись алкоголики.

– Предназначение Музы – вдохновлять, – сказал Поликарп Фадеевич, – но я неправильный, исключение, поэтому стихи она пишет отвратительные. Вот, например, из последнего: «Вглядись в пещерную нефритовую бездну, мой жаркий копьевидный властелин!»

- Копья, пещеры, властелины... не люблю фэнтези, – поморщился Хрон.

– Размер, быть может, не совсем удачный, но в целом что-то в этом есть, – дипломатично заметил Шуба.

– До Фан Нэй Цзы ей, как моему нефритовому стержню, до яшмовой пещеры, – грубо заржал Борзый.

Он имел ввиду древнекитайский эротический трактат неизвестного автора, предположительно жившего в период династии Суй. До того, как оказаться в нынешнем плачевном положении, Борзый преподавал античную литературу в престижном учебном заведении.

- Его оттуда с треском выгнали, – доверительно сообщил Шуба.

- За что? – спросил Поликарп Фадеевич.

- Слишком борзый, – цыкнул гнилым зубом Хрон и добавил, – Продолжим.

Казалось бы, что тут такого? Ну пишет тетка стихи, пусть плохие, так ведь каждый хоть раз в жизни строчку другую да срифмовал. Однако, Поликарп Фадеевич и тут оплошал.

– Я ей открылся. Да еще прихвастнул, мол, лично знаком с Тремя Грациями, покровительницами искусств. И могу им даже ее произведения гениальные на суд представить. Порисовался, значит, перед любимой женщиной. Думал, забудет. А она не забыла. Вот я к вам и пришел за помощью. Посидите, послушайте, похвалите. Ей приятно, а вам бочка бездонная. На всю жизнь обеспечены будете.

- Лично я согласен, – опорожнил стакан Хрон.

Это был черт знает какой по счету стакан, но странное дело, обычного опьянения алкоголик не ощущал. Чувствовал он внутри себя томную благодать, а еще кураж и готовность к свершениям.

- Сканаем за Граций то? – засомневался Шуба.

– Конечно, – заверил его Поликарп Фадеевич. – Вас ведь трое. К тому же, не каждый день на пороге дома в приличном районе появляются маргинальные личности послушать стихи. Скажем, маскировка, чтобы простой человеческий глаз от великолепия божественного не ослеп вдруг.

– А я не согласен, – насупился Борзый. – Мне принципы не позволяют эту порнуху поэзией называть и хвалить, даже за бездонную бочку с бухлом. Пусть в интернет идет. Там на каждого писака найдется читака.

– У нее там целый фанклуб, – стыдливо потупился Поликарп Фадеевич, – и все ждут отчета о сегодняшнем мероприятии. И это не простое бухло, а амброзия с нектаром. Встряхнутая, но не взболтанная. Материализовавшись, из закров чертоговых прихватил. Последнюю.

– Все равно не буду, – упрямылся Борзый. – Мотивация слабовата.

– Любовь и бочка слабая мотивация?! – воскликнул Хрон. – Сдается мне, кто-то зажрался.

– Я любви не наблюдаю, – огрызнулся Борзый. – Где тут любовь? Сплошное самолюбие бабское. А этот подкаблучник, недомуз, потекает.

– Технически верно, – вздохнул Шуба. – Придется тебе его убеждать.

Поликарп Фадеевич беспомощно озирает суровые похмельные лица, пытаясь найти убедительные слова.

– Понимаете... – выдал он, – вот она ...когда стихи эти свои сочиняет... у нее... лицо... такое... такое... и глаза... и вся она ...светится... понимаете? И хочется плакать и на колени встать и весь мир к ее ногам положить. Подвиг ради нее совершить, с жизнью расстаться... ну и всякое такое...

Он смутился и умолк, мечтая провалиться сквозь землю.

– Хммм, – после продолжительного гробового молчания изрек Борзый.

– Это, значит, согласны, – шепнул Шуба, мягко подталкивая Поликарпа Фадеевича к выходу. – Жди.

Вечер удался. Хрон, Шуба и Борзый так вжились в роли Трех Граций, что даже Петр Фадеевич почти поверил. А о супруге его и говорить нечего. Сошлись на том, что стихи ее настолько опережают свое время, что оно вряд ли когда-нибудь их догонит. Прощаясь в дверях, Буся Козырькова обняла Борзого и горячо зашептала :

– Знаю я, что стихи говно. Но Карпуша... то есть, Поликарп, он ведь Муза. И когда я эту херню сочиняю и читаю, у него лицо ...такое... такое... и глаза... и весь он... светится. Понимаете?

– Хочется плакать и на колени встать, и весь мир, и подвиг, и прочее и прочее... Понимаю, да, – ответил Борзый.

– Надеюсь, он хорошо вам заплатил за этот фарс.

– Будьте спокойны, барышня, – дыхнул ей в ухо Хрон, – сполна.

– Спасибо, – потряс руку Поликарпу Фадеевичу Шуба, – мы в чертоги. Переваривать пережитое наслаждение.

– Этот гондон правда нас не узнал, или просто тупой?

– Не гони, Аглая, бочка то вернулась.

– Мне обидно! Все равно, что матерей родных не узнать! Эвфрозина, ты чего молчишь?!

– Вернусь в чертоги, запишусь в группу анонимных нектарных амброголиков, довольна, Таля?

– Какие же вы сучки!

– Если бы! Всего лишь Грации.

Провожая взглядами удаляющихся в закат алкоголиков, Поликарп Фадеевич с супругой лучились счастьем и желанием подвига.

Обрывок одиннадцатый

В маленьком сонном Городе слух о картине распространился со скоростью лесного пожара.

– Говорят, это самая великая картина всех времен, – говорили одни.

– Величайшая, – уточняли другие.

– Она написала себя сама, – перешептывались третьи.

– Взглянувшие на нее поняли красоту мира, – вздыхали четвертые.

И все в нетерпении повторяли, глядя на единственную ведущую в Город дорогу.

– Ну когда же, когда?

Она появилась вдруг. Просто возникла посреди главной площади в сопровождении строгого зрителя.

Он небрежно отбросил прикрывающую ее ветошь и сделал приглашающий жест.

Жители Города недоуменно переглядывались. И это всё? Пустой холст?

– Обман! – по рядам поползло возмущение.

Картина встрепенулась и пошла радужными пятнами. Они переливались, пульсировали и мерцали.

– Не может быть, – выдохнул кто-то в толпе. – Тот самый цветок. Я подарил его ей... На первом свидании. Сорвал с клумбы, спрятал за пазуху и нес через весь Город... Сердце так билось... Мы были самыми счастливыми...

– Брехня! – раздался вскрик. – Какой цветок?! Это дом моих родителей, еще до развода. Вон и садик, и яблоня, я с нее упал и ногу сломал. Хотел сорвать самое красивое яблоко для мамы. Она тогда так испугалась, все повторяла, что любит меня просто так, без подвигов. Счастливое было время...

– Нет! – перебивая друг друга, зазвучали голоса, – не дом, не цветок! Океан в тот год! Шкатулка с той самой мелодией! Те самые ботинки, в которых можно легкой обойти целый свет! Та самая улыбка, за которую готов был отдать жизнь!

Тот самый... То самое... Та самая...

– По одному, пожалуйста, – скрипнул зритель. – В очередь.

Жители послушно выстроились друг за другом. Протянулись через Город пестрой лентой. Пульсирующей, волнующейся и шепчущей: «Чувствую. Чувствую».

Первыми сдались старики. Слишком много сожалений. Последними – грудные младенцы. По той же причине.

Картина вбирала их в себя нежно, настойчиво и жадно, пока не остались лишь оболочки. Лишенные боли, сожалений и надежд.

– Ещё! – приказала картина.

– Разумеется, – сухо кивнул строгий зритель, разворачивая карту.

На их пути еще полно маленьких сонных Городов.

Красота мира требует жертв.

Обрывок двенадцатый

– Нужно совершить что-нибудь символическое. Ритуал отказа от пагубной привычки, – толковывал страдающему похмельем коллеге Борис Петрович, клерк одной из многих мелких невнятного назначения контор, разбросанных тут и там по Вселенной.

– Типа подняться на крышу небоскрёба и скинуть оттуда граненый стакан? – кисло кривил бледные сухие губы коллеги.

Ему хотелось каплю сочувствия и кружку холодного пива, но приходилось довольствоваться обществом Бориса Петровича, любителя компьютерных игр и дурацких советов.

– Или на гору, – Борис Петрович бросил мрачный взгляд на монитор. Ему никак не удалось пройти эту чертову миссию.

Бомж Сидор, копаясь поутру в мусорном баке, нашел руку. Рука показала средний палец и нырнула вглубь, взметнув в лицо Сидору кучку объедков.

– Ах так! – рассердился бомж и отправился к участковому Курышкину. Жаловаться.

– Сидор, – устало вздохнул участковый, – не пойми неправильно, но ты заебал уже. Я еще от той истории с глазом не отошел.

Бомж смущенно заерзал на краешке колченогого стула, вспомнив выпученный, в красных прожилках, Глаз. Он внезапно появился в рассветных небесах, его расширенный мутный зрачок шарил по земле, словно выискивая кого-то. Остановившись на безмолвных Курышкине с Сидором, что стояли столбами, пялясь в небо, Глаз удовлетворенно сморгнул и, уронив им под ноги слезу размером с небольшое озерцо, исчез. Бомж с участковым узрели тогда в тихой прозрачной глади свое самое сокровенное. Сидор после напился и забыл, а Курышкина до сих пор корбило. Особенно перед зеркалом.

– Так то всевидящее око было, – пробормотал бомж. – При чем тут я?

– При всём, Сидор... Я в органы правопорядка шел за романтикой и потому что форма красивая. И все было хорошо, пока ты не возник со своими идиотскими жалобами.

– Закон для всех един, – с обидой возразил бомж, – А романтику тебе еще при поступлении в академию советовали засунуть в...

– Знаю! – рявкнул Курышкин. – Уже засунул, не помнишь? Вместе с формой!

Сидор помнил. Не просто забыть чудовищных размеров Жопу. Она накрыла город своей тенью, погрузила во мрак, и неумолимо надвигалась, угрожая усесться и раздавить. Курышкин тогда принес ей в жертву самое дорогое, что у него было. Форму и романтику. Сидор тоже попытался не отстать и запустил вдогонку початую бутылку водки. Жопу его подношение брезгливо откинула прямо в лоб участковому, отшибив тому напрочь чувство, пусть горького, но удовлетворения от свершенного подвига.

– Ты мир спас, – напомнил Сидор.

– Знаю, – брызгливо откликнулся Курышкин, – но не ощущаю, хоть убей.

– А вдруг Рука не такая, как Глаз и Жопу? – робко предположил бомж.

– Конечно, – голос участкового сочился сарказмом, – это великая дающая Рука. Она нас одарит... чем там обычно великие одаривают?

Сидор втянул голову в плечи и съежился, демонстрируя полное незнание вопроса.

– Очередным геморроем! – загремел Курышкин. – Последствия которого будут терзать меня! Кстати, почему кроме нас с тобой никто в городе не видит все эти... ммм... части...?

– А разве кроме нас в городе есть кто-то еще? – насторожился бомж.

– Ты идиот? Конечно есть. За водкой своей в магазин ходишь? Продавцы на тебя косятся? Народ осуждает?

– Нет. Она сама появляется, – ответил Сидор. – Я только подумаю, что неплохо бы выпить, и она уже есть.

Участковый хотел залепить Сидору оплеуху позвонче, но улыбка бомжа была бесхитростна, а выражение лица такое благодостное, что Курышкин смеялся.

– Мы с тобой в каких-то разных реальностях проживаем, – пробормотал он.

– У меня на этот счет имеется теория, – охотно подхватил бомж. – Представь себе, что мир – граненый стакан. Ты жил на одной грани, а я на другой, параллельно. Вот этот стакан упал с большой высоты и разбился. Все смешалось. Осколки теперь дрейфуют в пространстве, и на одном из них мы.

– Хочешь сказать, случился конец света, а никто не заметил? – хмыкнул Курышкин.

– Мы слишком малы, чтобы разглядеть великое, – смиренно сложил руки Сидор.

– За что мне это всё? – тоскливо бросил участковый в пространство, не слишком надеясь на ответ.

– Путь героя, ммм? – шепнуло пространство голосом Сидора. – Высшие силы испытывают тебя и прочая херь?

– А почему они тебя не испытывают?

– Нуууу... – задумался бомж, – может, от того, что я послан тебе в утешение? Вроде как ты на меня посмотришь и приободрись, не все так плохо, вон Сидор совсем того... бесперспективный.

– Вовсе я так не думаю, ну что ты в самом деле? Да стоит тебе захотеть...

Слова его звучали фальшиво и жалко. Участковый осекся и с преувеличенным интересом зашелестел листами тощей брошюры с надписью «Административный кодекс».

– Если очень захотеть, можно в космос полететь, – разрядил обстановку Сидор.

– Точно!

Участковый был рад сменить тему.

– Ладно, пошли, покажешь, что за рука там безобразничает.

– Оскорбляет жестом, – уточнил бомж.

– Оформим непристойное поведение в общественном месте, – потряс брошюрой Курышкин.

И они направились к мусорным бакам. Впереди шел, печатая шаг, участковый, за ним семенил Сидор.

Пусть мир и летел к чертовой матери осколками граненого стакана, они были полны решимости оставаться с ним до самого конца.

Оставалось совсем немного. Еще один поворот серпантинной дороги, и будет вершина. Преследователи остались далеко позади, на этот раз у него обязательно получится. Жаль, конечно, что не осталось оружия, но ведь в спину ему не дышат. Еще чуть-чуть... Черт! Что это? Не может быть!

Борис Петрович, клерк одной из многих мелких невнятного назначения контор, разбросанных тут и там по Вселенной, беспомощно разинув рот, таращился на монитор. Его аватар только что разнесло на куски пушечным ядром, буквально за шаг до завершения миссии.

– Твою мать! – заплакал Борис Петрович, провожая взглядом фрагменты аватара, летящие на сонный город далеко внизу.

На экране издевательски мигала надпись Game Over.

Обрывок тринадцатый

После зимней спячки первый весенний день – самое то. Потом, конечно, привыкаешь и ворчишь, как невыносимо жарко на солнце, изумруды трав утомляют глаз, и пыль, и мухи со своим жужжанием, да тонкие щекотливые насекомьи лапки.

Егор Сергеевич всегда просыпается именно в такой день. Черт знает, каким чувством, но он ощущает, что пора, и выныривает из зимнего анабиоза. Вот и теперь, сидя на обогретой солнцем парковой скамейке, он с ленивым удовольствием разглядывает окружающий мир. У ног его блудят голуби, на деревьях наливаются почки, из-под снулой земной толщи пробивается робкий росток. Егор Сергеевич наполняется тихой благостью, зная, что до завтра его не потревожат. А завтра... Далеко до него. Хотя, оно, конечно, непременно наступит.

Когда оно наступит, на свет выползет Антонина Петровна, хтонической красоты женщина.

– Ну? – упревает в объемные бока все свои руки, спросит она.

– Как спалось, Хтонечка? Видала ли сны? – вежливо поинтересуется Егор Сергеевич.

– Видала! – рявкнет Антонина Петровна, – Как ты, козел похотливый, изменяешь.

И ее пышная грудь начнет вздыматься океанскими штормовыми волнами.

Егора Сергеевича посетит ощущение, будто он утлая лодочка, застигнутая в этих волнах за вопиющим браконьерством. Воздев мохнатые лапы к небесам, он стащит с их гладкой синевы упирающийся солнечный диск и метнет в Антонину Петровну. Она поймает его, запрыгает, заскачет на одном месте, перебрасывая солнце из рук в руки, дуя на пылающие ладони и пыхтя, словно паровоз. Фух-фух-фух.

Егор Сергеевич захохочет, как умалишенный, вскочит и побежит к реке, на ходу отращивая хвост, плавники и жабры. Он бросится в снулые воды, вздыбив умирающий лед, и поплывет за линию горизонта. Антонина Петровна последует за ним во всей своей хтонической красе, держа солнце над головой свободной парой рук, чтобы не намокло.

У всего остального происходящего, глядя на это, закружится голова. Егора Сергеевича и Антонину Петровну обзовут весенними обострениями. Но они не услышат. Потому что ветер будет свистеть в ушах.

Когда надоеет, выберутся на берег и сядут пить чай на веранде. Станут ворчать, как невыносимо жарко на солнце, изумруды трав утомляют глаз, и пыль, и мухи со своим жужжанием, да тонкие щекотливые насекомьи лапки.

Но это завтра. Далеко до него. Хотя, оно, конечно, непременно наступит.

Сказочки и зарисовочки

1.

Ранним утром на болоте Аристарх Иммануилович Беловский подстрелил ангела. Воробей озираясь и дробно хихикая, он отпилил ему крылья, сложил их в багажник и уехал, счастливо насвистывая. Но ангела не так просто убить. Его раны затянулись быстро, и стал он с виду обычный мужик. Которых без крыльев по улицам ходит огромное количество. Он добрался до трассы, где встретил проститутку Валентину, выброшенную из машины привередливым дальнобойщиком за недоделанный минет.

– Скажи, – спросил Валентину ангел, – знакомо ли тебе чувство пустоты?

– Бывало, – хрипло пробасила Валентина, – и лучше б почаще, а то пихают всякие... всякое...

– А я вот свою не ценил, – вздохнул ангел. – Когда у тебя крылья, пустота становится чем-то само собой разумеющимся, к ней привыкаешь, не всегда замечаешь, порой она даже раздражает.

– Прямо как Ашот, сутенер мой, – согласилась проститутка. – Я пока от него не ушла, тоже не ценила. Где его теперь искать, ума не приложу.

– Если б сделалась ты крыльями моими, сутенером мог бы стать я для тебя, – застенчиво предложил ангел.

Валентина кокетливо хихикнула, прикрывая ладошкой златозубый рот, но пощечину на всякий случай дала.

– Больно, – обиделся ангел.

– Ишь, нежный какой, – фыркнула Валентина. – Жизнь вообще боль и, в основном, ниже пояса. Привыкнешь.

– Скажите, что я вам больше не должен! – попросил Аристарх Иммануилович Беловский сутенера Ашота.

– Нэ знаю... – помахал свежепришитыми крыльями Ашот. – Сам то как думаешь?

– Вам очень идет, – подобострастно осклабился Аристарх Иммануилович.

Ашот взмыл в небо, попарил немного и уронил на Аристарха Иммануиловича благодать.

Беловский скривился и поймал Ашота в сачок. Сутенер трепыхался в нем, пока не устал.

– Мы нэправильно дэлаем, – оттрепыхавшись, сказал сутенер. —Следует идти из пункта А в пункт Б. Пока нэ прыдем.

– Если мы будем двигаться, то в итоге встретимся с моими крыльями, – сказал ангел.

– И с сутенером Ашотом, – заметила Валентина, – А еще со всеми теми, с кем суждено встретиться.

– Тогда, вперед! – воскликнул ангел.

– Счастливый путь, – расцеловала его в обе щеки Валентина, – я останусь. Буду вас всех ждать. А то как придете, и никого. Обидно.

– Путь к щастью тэрнист и извылист, – порхал с цветка на цветок Ашот.

– Я бы хотел получить компромат, – Аристарх Иммануилович тяжело дышал, пытаясь угнаться за сутенером.

– Мы за ным ыдём и летим. – сказал Ашот, – Он у дяди Гамлэта за пазухой лэжыт камнэм. Дядя мэня увыдит, обрадуыцца и как закрычыт: Ашотик, дарагой! Садысь, вина выпьем! А я

захлопаю крыльяме и стану лэтать. Дядя Гамлэт рассэрдицца, станэт прогонять миня, Кыш, Кыш, Ашотик! Выхватйт камень и бросыт, а мы поймаэм! Такой план.

– Сомнительно это все? – не разделил энтузиазма сутенера Аристарх Иммануилович.

– Я вернулся, – сообщил ангел проститутке Валентине.

– Встретил крылья? – удивилась Валентина. – Так быстро?

– До крыльев не дошел, его встретил, – указал ангел на дядю Гамлета. – У него за пазухой камень, ему ходить тяжело.

– Зачем тебе камень? – спросила проститутка.

– Это компромат, – нахмурился дядя Гамлет. – Я им пустоту затыкаю.

Со стороны неба послышался громкий клёкот, и на дядю Гамлета спикировал сутенер Ашот.

– Кыш! – закричал дядя Гамлет, – Кыш!

Выхватил из-за пазухи камень и метнул в племянника. Ашот не успел увернуться и неуклюже рухнул в объятия проститутка Валентины.

– Ашотик! – обрадовалась проститутка. – Садись, вина выпьем!

Из кустов выполз Аристарх Иммануилович Беловский. В зубах он держал компромат.

– Избавьтесь от него, – посоветовал ангел, – Иначе вам будет трудно ходить, так и останетесь ползать.

Аристарх Иммануилович прожевал компромат, проглотил и ответил:

– Еще чего. Я, может, мечтаю об этом. Вон, посмотрите на сутенера Ашота, куда его крылья привели. А раньше ползал, уважаемым человеком был.

– Ничего вы не понимаете, – заступилась за сутенера Валентина. – У него теперь есть пустота, в ней свистит ветер.

– Хуйдожэствэнным свыстом, – похвастался Ашот.

– А у меня не свистит, – пожаловался дядя Гамлет. – Полный штиль. Может, расскажете, что там за компромат был?

– Аристарх Иммануилович известный государственный деятель, – сказала проститутка Валентина, – Им на праздник выдавали взятку, а он наклонился шнурки завязать. Оконфузился. Правда, никто не заметил, кроме Ашота, который в замочную скважину подсматривал. Вот Ашотик стал его шантажировать. Я узнала, возмутилась и ушла. Дура. А компромат украла и дяде Гамлету подарила на день рождения.

– Бизнес отжал, проипал, дэнэг отжал, проипал, дай, думаю, потрэбую што-нибу этакоэ, – перебил сутенер. – Надо жэ было чэм-то пустоту затыкать. Вот он крылья и принес.

– Пожалуй, я не буду забирать их у тебя, – сказал ангел. – Мне тут внизу нравится.

– Спасибо, – растрогался Ашот. – Ты, главное, пустоту не затыкай.

– Не буду, – пообещал ангел.

– Это весьма затруднительно, – брюзгливо заметил дядя Гамлет. – Когда ты человек, пустота страшает. Все сразу видят тебя таким, как есть, ничтожным и невесомым.

– А вы пойдите работать ко мне, – предложил Аристарх Иммануилович. – Будете за мной компромат подбирать и хранить. Весу в вас значительно прибавится.

– С удовольствием, – пожал ему руку дядя Гамлет.

– Ну, я пошел, – засобирався ангел. – Из пункта А в пункт Б и так далее.

– Нам тоже пора, – сказали Аристарх Иммануилович, дядя Гамлет и сутенер Ашот.

– Я буду вас ждать, – пообещала Валентина, – а то придете, и никого. Обидно. Давайте вина выпьем?

И все выпили.

– Нет, ну ты посмотри! – расхохоталась Принцесса, разворачивая экран компьютера в сторону нежащегося на куче золота Дракона, – Пятьсот комментов, и все пытаются троллить! Смешная штука этот интернет.

– Что излагают? – лениво потянулся Дракон.

– Ябфдул. Ты тупая пизда. Стыдно, ваше высочество, кинуть пост и забыть предназначенье. Дракон – пуся, а, ты сука, убейся. Люблю, женюсь, куплю коровник. Не нужна ли вашей пещерке генуборка? Сука. Сука. Тварь. Ненавижу, как не стыдно. Сдохни в муках. Не желаете ли прогуляться? Выходи за меня. Дракон смердит. Ты дура. Тупая жирная корова. А вот я, например, такого не позволяю. Скотина. Дракон – гондон.

Принцесса перевела дух, скрутила джойнт, затянулась и спросила.

– Продолжать? Смотри какой успех! Одну фотку всего лишь выложила! И на той нас не видать, так, гора, леса, полнолуние.

– Это не успех, – осклабился Дракон, – это император Сунь-Хуй-Вчай.

– Рассказывай, – потребовала Принцесса, – давненько ты меня историей не баловал.

– Слушаюсь, ваше высочество, – шутливо салютнул Дракон и начал рассказ.

– Давным давно жил на свете великий император Сунь-Хуй-Вчай, правил он с размахом, мудростью, игрою в го и гейшами. Но не хватало в его жизни счастья и лютого дракона на забаву гарему. Он разместил в газете объявление о вакантной должности, а мне тогда нужны были деньги, в общем, прибыл я ко двору, показал рекомендации и был принят. Ох, какой же у него гарем....

Дракон мечтательно закатил глаза и поцокал длинным раздвоенным языком о пещерный пол.

– Не отвлекайся, – стукнула его по голове веером Принцесса. – Про счастье давай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.